

Н. С. ДЕМКОВА

К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума

Автобиографическое повествование в Житии Аввакума возникает на стыке различных литературных явлений и процессов: отмечена связь Жития с традицией апостольских Деяний и Посланий,¹ с традицией автобиографического повествования в самой житийной литературе,² с тенденциями современного Житию литературного процесса — с открытием ценности человеческой личности, личностным характером литературы XVII в.,³ наконец, со специфическими условиями возникновения литературы старообрядчества.⁴

Для изучения истоков автобиографического повествования в Житии Аввакума важным является и вопрос об автобиографических элементах в сочинениях самого Аввакума до Жития, о возникновении идеи автобиографического повествования в его творчестве.

Обычно в качестве основных подготовительных этапов автобиографического повествования в Житии Аввакума упоминаются его устные беседы с друзьями, письма и челобитные, из большого числа которых в этом плане анализируется лишь первая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу 1664 г.⁵ Из поля зрения исследователей выпал целый жанр автобиографических записок Аввакума, хронологически предшествующих Житию и частично им в Житии использованных: это записка о жестокостях воеводы Пашкова, приложенная Аввакумом к первой челобитной 1664 г., записка об увещаниях Аввакума в Чудовом монастыре в 1667 г., записка о «первой» казни попа Лазаря, инока Елифания, дьяка Стефана

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Старообрядческая литература. — В кн.: История русской литературы под ред. В. А. Дегницкого и др., т. I, ч. 1. М., 1941, стр. 299.

² Serge A. Zenkovsky. Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie. — Die Welt der slaven, Jahrg. I. N. 3. Wiesbaden, 1956, стр. 276—290; см. также: Serge A. Zenkovsky. The confessor of Epiphany, a Muscovite visionary. — In: Studies in Russian and Polish Literature in Honour of Waclaw Lednicki. Gravenhage, 1962, стр. 46—71.

³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 157—161; В. Е. Гусев. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII в. — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1960, стр. 43—49; В. Кожин. Происхождение романа. М., 1963, стр. 229—252.

⁴ Serge A. Zenkovsky. Der Mönch Epifanij..., стр. 290—292; А. Н. Робинсон. Творчество Аввакума и Елифания, русских писателей XVII века. — В кн.: А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Елифания. М., 1963, стр. 43—44.

⁵ В. Е. Гусев. Протопоп Аввакум Петров..., стр. 23, 31—32; А. П. Робинсон. Творчество Аввакума и Елифания..., стр. 50.

в Москве в том же 1667 г., записка о «второй» казни Лазаря, Федора, Елифания в Пустозерске в 1670 г. и об исцелениях казненных (почти идентичная тексту Жития), записка о том, как постились пустозерские узники в 1671 г.; отметим, что некоторые из записок находятся в Пустозерском сборнике, рядом с автографом Жития (в частности, записка о посте).⁶

Записки Аввакума — особый тип повествования, возникший в силу тяготения старообрядческой литературы к документальности. Записки Аввакума о казнях и увещаниях по структуре напоминают ранний христианский мартирий, а по стилю — летописные записи: сообщаются точные даты, называются имена, последовательно описываются сами события. Например: «Июля в 5 день привезли в ночи от Николы с Угреши, и приезжали 3 архимарита дважды уговаривать. И во 8 день пригезждал (так!) в ночи Дементей Башмаков, уговаривати же» (стр. 703); или: «179-го году в великий пост протопоп Аввакум да поп Лазарь пищи не принимали» (стр. 719). Тот же тип изложения событий встречаем в записке «очевидца» о Пустозерской казни, частично использовавшего текст записки Аввакума: «178-го году, апреля в 14 день, на Фомины недели, в четверг, в Пустозерском остроге, по указу цареву, полуголова Иван Елагин взял ис тюрем. . .» (стр. 713). Цель этих записок — документально свидетельствовать о происшедших событиях, о жестокости «никониан» и мучениях приверженцев «старой веры». Отсюда точность, физиологический натурализм описаний: «Привели в тюрьму, и я, протопоп, щупал и гладил во рте: и не болит, и ныне гладко, и струпу не было. . .» (стр. 715). Такую же строгую документальность стиля обнаруживаем и в повествовании Жития о казнях, где эти отрывки выполняют подобную функцию — функцию свидетельства очевидца: «Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла. . . Посем взяли солловежьаго пустытника, инока схимника, Елифания старца, и язык вырезали весь же. . . Посем взяли дьякона Феодора, язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой во рте, в горле накость резан. . .» (стр. 63—64).

Документальность автобиографических записок Аввакума находит многочисленные соответствия в старообрядческой литературе записок, челобитных, «прений». Самая яркая параллель к аввакумовским текстам — «Вопрос и ответ» инока Авраамия (1670 г.), где богословский спор с властями («прение») обрамлен автобиографическим повествованием о заключении инока Авраамия под стражу и об учиненных допросах.⁷

Автобиографизм этой части старообрядческой литературы преследовал не только эмоциональную цель — вызвать сочувствие,⁸ но и цель историографическую: автор был очевидцем событий, мог точно зафиксировать происшедшее. Документальность автобиографических записок Аввакума и других деятелей старообрядчества — проявление своеобразного историзма этой литературы, и в стилистическом строе этих сочинений явно выступают черты летописного способа изложения (отрывки, приведенные

⁶ Записки изданы в кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. 39), стр. 701—722 (далее страницы этого издания указываются в скобках в тексте). Цель настоящей заметки — лишь охарактеризовать этот вид автобиографического повествования Аввакума; вопрос о соотношении текста записок и Жития рассматривается в другой, подготавливаемой мною работе.

⁷ См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. И. Субботина Т. VII. М., 1885, стр. 386—416. См. также и другие подобные тексты, в частности «Прение верного инока с отступником» (издано мной, см.: ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 281—289) и письмо неизвестного старообрядца из заточения (1685 г.) (издано мной, см.: ТОДРА, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 481—483).

⁸ Serge A. Z e n k o v s k y. Der Mönch Epifanij. . ., стр. 290.

выше, напоминают фрагменты летописи). Идеи историзма, свойственные автобиографическому повествованию, в какой-то мере выражены и в формулировке Елифания, предпосланной Житию Аввакума: «Да не забвению предано будет дело божие» (стр. 1).⁹

Автобиографические записки Аввакума очень разнообразны по типам повествования. Одна часть их тяготеет к строго документальному изложению, отмеченному выше. В числе записок этого типа должна быть особо рассмотрена записка о том, как постились пустозерские узники в 1671 г. Специфическая тема записки развивается как подробное описание, как скрупулезный анализ состояния и поведения героя-автора: «В четверток же пятых недели поста начал трубу закрывать и упал на землю. Полежав, очюхнулся, встать не могу, а правило говорить время. Помыслив, воздохня, отмерил три ложки кваса и пять ложек воды, соединя вместо, выхлебал...» (стр. 721—722). Мельчайшие детали быта описываются с пристальным вниманием; в сознании человека, мир которого замкнут тесными границами земляной тюрьмы, они вырастают в события почти исторического значения.

Другая часть записок Аввакума — записка о «первой» казни и записка о последних увещаниях Аввакума в Чудовом монастыре (1667 г.) — свободна от суровой фактографичности документа и напоминает динамичные рассказы Жития. Причиной изменения типа автобиографического повествования является не эволюция стиля, как можно было бы подумать, а использование самой стихии устной речи героев в качестве сюжетного материала («Старец мне говорил: острота, острота телесного ума, да лихо упрямство! А се не умеет науки!» — стр. 704; «И ему стыдно стало, и противу тово всквозь зубов молвил: нам, де, с тобою не сообщно» — стр. 706; ср. стр. 707).

Записка Аввакума об Афанасии Пашкове, приложенная им к первой челобитной Алексею Михайловичу, казалось бы, несколько выпадает из ряда автобиографических фрагментов: содержанием ее является лишь перечень актов жестокости и произвола сибирского воеводы. Однако именно эта записка помогает лучше понять основные идеи и замысел автобиографической первой челобитной. Челобитная 1664 г. написана человеком, четко осознавшим свое место в развернувшейся церковной борьбе («А душа моя прияти ево новых законов беззаконных не хочет... мерзок он пред богом, Никон» — стр. 728). Своеобразие этой челобитной, требующей от царя «отложить... Никоновы затейки дурные» (стр. 729), заключается в том, что Аввакум включил в несомненно публицистический текст автобиографический материал — перечень своих «бед» и «напастей». Возможно, что непосредственным поводом к написанию автобиографических фрагментов в этой челобитной послужило чисто практическое требование рассказа о самом себе — челобитная Аввакума кончается просьбой о лич-

⁹ Известно, что начальный период возникновения старообрядчества выдвинул и своих «историографов». Так, деятель раннего старообрядчества игумен Феоктист собирал оригиналы и копии многочисленных старообрядческих сочинений; им была составлена «Записка о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 год» — описание ссылки и бегства Ивана Неронова, созданное на основании автобиографических рассказов последнего (см.: Материалы для истории раскола..., т. I. М., 1874, стр. 134—166). Впоследствии, по-видимому, эту роль «историографа» стал выполнять инок Авраамий, собирая и систематизируя документы и сочинения первых лет старообрядчества в «Христианоопасном щите веры» (см.: Материалы для истории раскола..., т. VII. М., 1855, стр. 1—258). Специальные «исторические» описания казней старообрядцев и других событий, связанных с их деятельностью, принадлежат дякопу Федору, одному из пустозерских узников (см. его «Сказание об Аввакуме, Лазаре, Елифании», «Послание из Пустозерска сыну Максиму» и др.).

ном свидании с царем: «Свет-государь, пред человеки не могу тебе ничтож проговорити, но желаю на е д и н е светлоносное лице твое зрети и священполезных уст твоих глагол некий слышати мне на полузу, как мне жити» (стр. 730).¹⁰

Однако для анализа истоков автобиографизма у Аввакума важна не только эта внешняя, рассчитанная на адресата мотивировка. Аввакум выступает в своем рассказе как защитник «церкви божия» и государственных интересов. Аввакум не жалуется царю («не челобитьем тебе, государю . . . глаголю»), но «возвещает» ему, «како строится» в его «державе», «возвещает» о злоупотреблениях воеводы Пашкова, о тяготах «государевых служивых людей». Его личная судьба, судьба его семьи осознаются Аввакумом как часть и проявление общих процессов, происходящих в государстве, и это дает право Аввакуму на рассказ о самом себе, превращает автобиографическую, личную тему в факт общественного значения.

Именно этот общественный характер обращения Аввакума к царю поддерживается и усиливается его запиской об Афанасии Пашкове: записка Аввакума — перечень не личных обид Аввакума, а фактов антигосударственной деятельности воеводы, от которой «государеве казне напрасная проторь» (стр. 702), «государевым служивым людям» — «мўка» и напрасные казни.

Важно отметить и другое: челобитная и записка об Афанасии Пашкове составляли в автографе единый текст, и в композиции обращения к царю перечень «злодейств» Афанасия Пашкова дополнял и структурно уравнивал рассказ о бедах Аввакума и мытарствах его семьи, придавая тем самым рассказу о личной судьбе Аввакума значение и силу бесспорного аргумента.

Таким образом, автобиографические записки Аввакума весьма интересны как существенный этап в формировании самой идеи автобиографического повествования, идеи общественной значимости автобиографической темы. По ним можно судить и о различных типах автобиографического повествования у Аввакума (один непосредственно связан со стилем документа, второй ориентируется на живую устную речь).

Автобиографическое повествование Аввакума связано и с другой линией его самовыражения — с кропотливым психологическим самоанализом. В этом отношении очень существенным сочинением Аввакума, к тому же хронологически непосредственно предшествующим Житию, является его «Послание братии на всем лице земном». Послание датируется началом 1670 г.,¹¹ это одно из первых «открытых» посланий Аввакума, обращенных к широкой аудитории единомышленников. В этом послании нет рассказов Аввакума о событиях из своей жизни, встречаются только отдельные бытовые детали, припоминания (например, Аввакум вспоминает о голубях: «Я их смолада держал, попович я, голубятник был» — стр. 775; и др.). Но тем не менее послание это непосредственно связано с развитием автобиографического повествования: большое место уделено в нем изображению личности Аввакума. Аввакум здесь, пользуясь его выражением, «обнажается душой» («А еще во мне такой нрав есть: как меня кто вели-

¹⁰ Именно так, например, поступил в свое время Афанасий Филиппович, добываясь в 1638 г. аудиенции у русского правительства: в форме послания царю Михаилу Федоровичу он описал историю и цели своего путешествия в Москву, и «после этого послания царю Филипповича приветливо и гостеприимно приняли в Посольской избе» (А. Коршунов, Афанасий Филиппович. Жизнь и творчество. Минск, 1965, стр. 41).

¹¹ П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. — В кн.: РИБ, т. 39, стр. LI.

чает и блажит, так я тово и люблю, а как меня кто обезчестил словом каким, так и любить ево не захотел» — стр. 777).

Если в принципе можно проследить возникновение и формирование идеи автобиографического повествования у Аввакума, потребности его самовыражения (здесь обращено внимание лишь на самые существенные факты), то сложнее обстоит дело с изучением художественной формы этого самовыражения. Первая челобитная лишь отдаленно, по фактическим сюжетам отдельных эпизодов напоминает Житие. Изложение ее сухоовато, конспективно.¹²

Иначе описывал Аввакум факты своего многотрудного бытия в письмах единомышленникам — Ивану Неронову (1653 г.), иноку Авраамию (1666 г.), Настасье Марковне (1666 г.). Здесь текст динамичный, экспрессивный, почти адекватный Житию: «У Николы на Угреше сежю в темной палате, весь обран и пояс снят со всяцем утверждением, и блюстители пред дверьми и внутрь полаты — полуголова со стрельцами. Иногда есть дают хлеб, а иногда и щи. Дети, бедные, к монастырю приезжают, а получить меня не могут: всяко крепко от страха, насилиу и домой уедут».¹³

Адресат Аввакума как будто определял собой тон, стиль и саму структуру авторского повествования. Нельзя сказать, что в письмах и посланиях Аввакума выработался именно тот художественный стиль, который он впоследствии использует в Житии. По самому типу художественного отражения действительности Житие отличается от эпистолярных произведений Аввакума. По-видимому, решающее воздействие на создание особой манеры автобиографического повествования в Житии Аввакума оказал не письменный опыт, а его собственные устные рассказы — материал, почти недоступный современному исследователю, и в этом главная трудность изучения истоков художественной формы Аввакумовой биографии. Но письма и послания Аввакума как раз и представляют интерес в этом плане частичным отражением его устной речи, отдельными элементами сказовой манеры, углубленным психоанализом, необычайной гибкостью формы. Именно эти приемы Аввакум использует впоследствии в автобиографическом повествовании Жития.

¹² Ср.: А. Н. Робинсон. Творчество Аввакума и Елифания..., стр. 59.

¹³ Письмо семье (1666 г.), цит. по кн.: Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960, стр. 218.